

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности положений статьи 90
Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с
жалобой граждан В.Д.Власенко и Е.А.Власенко

город Санкт-Петербург

21 декабря 2011 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя
В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря,
Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, Г.А.Жилина, С.М.Казанцева,
М.И.Клеандрова, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой,
С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, О.С.Хохряковой,
В.Г.Ярославцева,

с участием представителя Совета Федерации – доктора юридических
наук Е.В.Виноградовой, полномочного представителя Президента
Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации
М.В.Кротова,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской
Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3,
частью первой статьи 21, статьями 36, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального
конституционного закона «О Конституционном Суде Российской
Федерации»,

рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности положений статьи 90 УПК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба граждан В.Д.Власенко и Е.А.Власенко. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителями законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Ю.М.Данилова, объяснения представителей сторон, выступления приглашенных в заседание представителей: от Министерства юстиции Российской Федерации – Е.А.Борисенко, от Генерального прокурора Российской Федерации – Т.А.Васильевой, от Следственного комитета Российской Федерации – Г.К.Смирнова, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Согласно статье 90 «Преюдиция» УПК Российской Федерации (в редакции Федерального закона от 29 декабря 2009 года № 383-ФЗ) обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором либо иным вступившим в законную силу решением суда, принятым в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки; при этом такие приговор или решение не могут предрешать виновность лиц, не участвовавших ранее в рассматриваемом уголовном деле.

1.1. Промышленный районный суд города Ставрополя решением от 21 мая 2007 года удовлетворил иск гражданки Г.К.Чернышовой к гражданам В.Д.Власенко и Е.А.Власенко о признании действительным предварительного договора купли-продажи жилого дома, о понуждении заключить договор купли-продажи этого дома и о признании на него права

собственности, а в удовлетворении встречных исковых требований о признании указанного договора недействительным отказал.

Постановление о возбуждении в отношении Г.К.Чернышовой уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного частью четвертой статьи 159 «Мошенничество» УК Российской Федерации, вынесенное 24 февраля 2009 года следователем главного следственного управления при Главном управлении внутренних дел по Ставропольскому краю по заявлению Е.А.Власенко о хищении принадлежащего ему имущества, было отменено как незаконное заместителем прокурора Ставропольского края. Неоднократно проверявшие те же обстоятельства (последний раз 17 марта 2010 года) следователи следственного управления Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации по Ставропольскому краю оснований для возбуждения уголовного дела не находили.

Постановлением от 16 апреля 2010 года, вынесенным по очередному заявлению Е.А.Власенко старшим следователем следственного управления при Управлении внутренних дел по городу Ставрополю, в отношении Г.К.Чернышовой вновь было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного частью четвертой статьи 159 УК Российской Федерации. Как указывалось в постановлении, в 2007 году Г.К.Чернышова совершила хищение чужого имущества в особо крупном размере путем обмана, а именно: используя заведомо для нее фиктивные документы, она зарегистрировала на свое имя в Управлении Федеральной регистрационной службы по Ставропольскому краю принадлежащий В.Д.Власенко жилой дом.

Промышленный районный суд города Ставрополя, куда Г.К.Чернышова обратилась с жалобой в порядке статьи 125 УПК Российской Федерации, 3 сентября 2010 года со ссылкой на статью 90 данного Кодекса отменил постановление о возбуждении в отношении нее уголовного дела, отметив, что вступившим в законную силу решением от 21 мая 2007 года тот

же суд, исходя из установленных им обстоятельств, признал право собственности на спорный жилой дом за Г.К.Чернышовой, отказав в удовлетворении встречных исковых требований. Судебная коллегия по уголовным делам Ставропольского краевого суда свой отказ в удовлетворении кассационной жалобы адвоката В.Д.Власенко и Е.А.Власенко также мотивировала необходимостью соблюдения требований статьи 90 УПК Российской Федерации, в силу которых обстоятельства, установленные вступившим в законную силу решением суда, принятым в рамках гражданского судопроизводства, должны быть признаны следователем без дополнительной проверки.

1.2. Как утверждают заявители в своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации, в ходе рассмотрения их гражданского дела достоверность доказательств, представленных истицей, судом не проверялась, а их заявления о подложности и фальсификации представленных ею доказательств и их ходатайства об истребовании подлинных документов были оставлены судом без удовлетворения.

Исходя из этого они просят признать противоречащей статьям 19 (часть 1), 45, 46 и 52 Конституции Российской Федерации статью 90 УПК Российской Федерации в той части, в какой она – по смыслу, придаваемому ей правоприменительной практикой, – не допускает проведения дополнительной проверки обстоятельств, вызывающих сомнение у суда, прокурора, следователя, дознавателя, когда эти обстоятельства установлены вступившим в законную силу решением суда, принятым в рамках гражданского судопроизводства. Тем самым, по мнению заявителей, нарушаются требования Конституции Российской Федерации, согласно которым в Российской Федерации гарантируется государственная защита прав и свобод человека и гражданина, права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом, а государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба.

Таким образом, в силу статей 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу является статья 90 УПК Российской Федерации в части, предусматривающей, что обстоятельства, установленные вступившим в законную силу решением суда, принятым в рамках гражданского судопроизводства, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки.

2. Согласно Конституции Российской Федерации каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод; решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суд (статья 46, части 1 и 2).

Право на судебную защиту относится к основным неотчуждаемым правам и свободам человека и одновременно выступает гарантией всех других прав и свобод, оно признается и гарантируется согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации и обеспечивается на основе закрепленных в ней принципов правосудия, включая независимость судей, их подчинение только Конституции Российской Федерации и федеральному закону, осуществление судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон (статьи 17 и 18; статья 120, часть 1; статья 123, часть 3, Конституции Российской Федерации).

Приведенным положениям Конституции Российской Федерации корреспондируют предписания статьи 10 Всеобщей декларации прав человека и статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, согласно которым каждый человек для определения его прав и обязанностей и для установления обоснованности предъявленного ему уголовного обвинения имеет право на то, чтобы его дело было рассмотрено с соблюдением всех требований справедливости независимым и

беспристрастным судом, т.е. при предоставлении на основе полного равенства процессуальных гарантий справедливого судебного разбирательства. В силу статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод справедливое правосудие, осуществляемое независимым, беспристрастным и компетентным судом, созданным на основании закона, также предполагает обязательность и исполнимость судебных решений, что связано с требованием правовой определенности.

Указанные общие принципы осуществления правосудия распространяются на все закрепленные Конституцией Российской Федерации, ее статьей 118 (часть 2), виды судопроизводства – конституционное, гражданское, административное и уголовное и являются для них едиными, вне зависимости от природы и особенностей материальных правоотношений, определяющих предмет рассмотрения в каждом виде судопроизводства, в рамках которого граждане реализуют конституционное право на судебную защиту.

Этими особенностями, а также характером рассматриваемых дел, существом и значимостью вводимых санкций и правовых последствий их назначения обуславливается закрепление в федеральном законе применительно к отдельным видам судопроизводства и категориям дел способов и процедур судебной защиты, вводя которые федеральный законодатель обязан следовать принципам, лежащим в основе организации судов и их деятельности по осуществлению правосудия, в том числе на основе разграничения видов судебной юрисдикции и с учетом требований статей 46–53, 118, 120, 123 и 125–128 Конституции Российской Федерации (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 28 мая 1999 года № 9-П, от 21 марта 2007 года № 3-П и от 17 января 2008 года № 1-П).

3. Конституционные принципы равноправия, равенства всех перед законом и судом, а также развивающие их принципы состязательности и равноправия сторон в судопроизводстве (статья 17, часть 3; статья 19, части

1 и 2; статья 123, часть 3, Конституции Российской Федерации) предполагают такое построение судопроизводства, при котором функция суда по разрешению дела отделена от функций спорящих перед судом сторон. Осуществляя правосудие как свою исключительную функцию, суд во всех видах судопроизводства, в том числе уголовном, обязан предоставлять сторонам равные возможности для отстаивания своих позиций и потому не может принимать на себя выполнение их процессуальных функций (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 28 ноября 1996 года № 19-П, от 14 февраля 2002 года № 4-П и от 5 февраля 2007 года № 2-П, Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 13 июня 2002 года № 166-О).

Вместе с тем предмет исследования в каждом виде судопроизводства имеет свои особенности, исходя из которых определяются не только компетентный суд, но и специфика процессуальных правил доказывания по соответствующим делам, включая порядок представления и исследования доказательств, а также основания для освобождения от доказывания. Пределы усмотрения федерального законодателя в решении этих вопросов достаточно широки – при условии соблюдения общих для всех видов судопроизводства конституционных принципов осуществления правосудия и соответствующих международных обязательств Российской Федерации.

3.1. Согласно Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты (часть третья статьи 15), а бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения (часть вторая статьи 14); при этом все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в порядке, установленном данным Кодексом, толкуются в его пользу, и до полного опровержения его невиновности обвиняемый продолжает считаться невиновным (части первая и третья статьи 14).

Данные предписания основаны на положениях статей 49 и 123 Конституции Российской Федерации, следуя которым и учитывая, что презумпция невиновности диктует признание судом всех фактов, свидетельствующих в пользу обвиняемого, пока они не опровергнуты стороной обвинения в должной процессуальной форме, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации устанавливает требования к доказыванию виновности лица и к оценке судом доказательств, которая, согласно его статье 17, осуществляется судьей, присяжными заседателями, а также прокурором, следователем, дознавателем по их внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, исходя из того, что никакие доказательства не имеют заранее установленной силы.

В свою очередь, гражданское процессуальное и арбитражное процессуальное законодательство исходит из того, что обстоятельства, на которые лицо, участвующее в деле, ссылается как на основание своих требований и возражений, должны быть доказаны самим этим лицом (часть первая статьи 56 ГПК Российской Федерации, часть 1 статьи 65 АПК Российской Федерации).

Действующие во всех видах судопроизводства общие правила распределения бремени доказывания предусматривают освобождение от доказывания входящих в предмет доказывания обстоятельств, к числу которых процессуальное законодательство относит обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным решением по ранее рассмотренному делу (статья 90 УПК Российской Федерации, статья 61 ГПК Российской Федерации, статья 69 АПК Российской Федерации). В данном основании для освобождения от доказывания проявляется преюдициальность как свойство законной силы судебных решений, общеобязательность и исполнимость которых в качестве актов судебной власти обусловлены ее прерогативами.

Признание преюдициального значения судебного решения, будучи направленным на обеспечение стабильности и общеобязательности судебного решения, исключение возможного конфликта судебных актов, предполагает, что факты, установленные судом при рассмотрении одного дела, впредь до их опровержения принимаются другим судом по другому делу в этом же или ином виде судопроизводства, если они имеют значение для разрешения данного дела. Тем самым преюдициальность служит средством поддержания непротиворечивости судебных актов и обеспечивает действие принципа правовой определенности.

Наделение судебных решений, вступивших в законную силу, свойством преюдициальности – сфера дискреции федерального законодателя, который мог бы прибегнуть и к другим способам обеспечения непротиворечивости обязательных судебных актов в правовой системе, но не вправе не установить те или иные институты, необходимые для достижения данной цели. Введение же института преюдиции требует соблюдения баланса между такими конституционно защищаемыми ценностями, как общеобязательность и непротиворечивость судебных решений, с одной стороны, и независимость суда и состязательность судопроизводства – с другой. Такой баланс обеспечивается посредством установления пределов действия преюдициальности, а также порядка ее опровержения.

При этом не отрицается, а, напротив, предполагается необходимость пересмотра решений, вступивших в законную силу, с тем чтобы в правовой системе не могли иметь место судебные акты, содержащие взаимоисключающие выводы. Регулирование института пересмотра вступивших в законную силу ошибочных судебных актов соотносится с международно-правовыми нормами, также признающими как обязательность исполнения судебных решений (*res judicata*), так и необходимость исправления судебных ошибок в случаях, если имеются сведения о новых или вновь открывшихся обстоятельствах или если в ходе предыдущего разбирательства были допущены существенные нарушения, повлиявшие на

исход дела (пункт 2 статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод).

Таким образом, как признание, так и отрицание преюдициального значения окончательных судебных решений не могут быть абсолютными и имеют определенные, установленные процессуальным законом пределы. Как указал Конституционный Суд Российской Федерации, исключительная по своему существу возможность преодоления окончательности вступивших в законную силу судебных актов предполагает установление таких особых процедур и условий их пересмотра, которые отвечали бы прежде всего требованиям правовой определенности, обеспечиваемой признанием законной силы судебных решений, их неопровержимости, что применительно к решениям, принятым в ординарных судебных процедурах, может быть поколеблено, если какое-либо новое или вновь открывшееся обстоятельство или обнаруженные фундаментальные нарушения неоспоримо свидетельствуют о судебной ошибке, без устранения которой компетентным судом невозможно возмещение причиненного ущерба (постановления от 11 мая 2005 года № 5-П, от 5 февраля 2007 года № 2-П и от 17 марта 2009 года № 5-П, Определение от 15 января 2008 года № 193-О-П).

Такой подход корреспондирует практике Европейского Суда по правам человека, который полагает, что отступление от требований правовой определенности может быть оправдано только обстоятельствами существенного и непреодолимого свойства и что пересмотр окончательного судебного решения возможен лишь для исправления фундаментального нарушения или ненадлежащего отправления правосудия (постановления от 18 ноября 2004 года по делу «Праведная против России», от 12 июля 2007 года по делу «Ведерникова против России» и от 23 июля 2009 года по делу «Сутяжник» против России»).

3.2. Пределы действия преюдициальности судебного решения объективно определяются тем, что установленные судом в рамках его

предмета рассмотрения по делу факты в их правовой сущности могут иметь иное значение в качестве элемента предмета доказывания по другому делу, поскольку предметы доказывания в разных видах судопроизводства не совпадают, а суды в их исследовании ограничены своей компетенцией в рамках конкретного вида судопроизводства.

Поэтому в уголовном судопроизводстве результатом межотраслевой преюдиции может быть принятие судом данных только о наличии либо об отсутствии какого-либо деяния или события, установленного в порядке гражданского судопроизводства, но не его квалификация как противоправного, которая с точки зрения уголовного закона имеет место только в судопроизводстве по уголовному делу. Так, решение по гражданскому делу, возлагающее гражданско-правовую ответственность на определенное лицо, не может приниматься другим судом по уголовному делу как устанавливающее виновность этого лица в совершении уголовно наказуемого деяния и в этом смысле не имеет для уголовного дела преюдициального значения. Иное являлось бы нарушением конституционных прав гражданина на признание его виновным только по обвинительному приговору суда, а также на рассмотрение его дела тем судом, к компетенции которого оно отнесено законом.

Задачей гражданского судопроизводства – в его конституционном значении (статья 15, часть 1; статья 118, часть 2; статья 120, часть 1, Конституции Российской Федерации) – является разрешение споров о праве и других дел, отнесенных к подведомственности судов общей юрисдикции и арбитражных судов. В соответствии с этим частью четвертой статьи 61 ГПК Российской Федерации закрепляется, что вступивший в законную силу приговор суда по уголовному делу обязателен для суда, рассматривающего дело о гражданско-правовых последствиях действий лица, в отношении которого вынесен приговор суда, по вопросам, имели ли место эти действия и совершены ли они данным лицом. Согласно части 4 статьи 69 АПК Российской Федерации вступивший в законную силу приговор суда по

уголовному делу обязателен для арбитражного суда по вопросам о том, имели ли место определенные действия и совершены ли они определенным лицом.

В уголовном же судопроизводстве решается вопрос о виновности лица в совершении преступления и о его уголовном наказании. Имеющими значение для этого суда будут являться такие обстоятельства, подтверждающие установленные уголовным законом признаки состава преступления, без закрепления которых в законе деяние не может быть признано преступным. Это касается и формы вины как элемента субъективной стороны состава преступления, что при разрешении гражданского дела установлению не подлежит. Именно поэтому уголовно-правовая квалификация действий (бездействия) лица определяется исключительно в рамках процедур, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, и не может устанавливаться в иных видах судопроизводства.

Вводя правила оценки доказательств в уголовном судопроизводстве, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (статья 17) исходит из принципа свободы оценки доказательств, в котором воплощается в том числе независимость суда, с учетом которой – как следствия самостоятельности судебной власти – федеральный законодатель реализует свои дискреционные полномочия при выборе конкретных форм и процедур осуществления правосудия, определяет пределы действия преюдициальной силы судебных решений, обеспечивающей их общеобязательность, стабильность и непротиворечивость. При этом закрепление в процессуальном законе преюдициального значения обстоятельств по ранее рассмотренному делу не означает предопределенности окончательных выводов суда по уголовному делу ранее состоявшимся судебным решением, принятым в другом виде судопроизводства в иных правовых процедурах.

3.3. Таким образом, институт преюдиции, являясь выражением дискреции законодателя в выборе конкретных форм и процедур судебной защиты и будучи направлен на обеспечение действия законной силы судебного решения, его общеобязательности и стабильности, на исключение возможного конфликта различных судебных актов, подлежит применению с учетом принципа свободы оценки доказательств судом, вытекающего из конституционных принципов независимости и самостоятельности судебной власти.

Соответственно, по смыслу статьи 90 УПК Российской Федерации в системе норм процессуального законодательства, обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным решением, которым завершено рассмотрение дела по существу в рамках любого вида судопроизводства, имеют преюдициальное значение для суда, прокурора, следователя или дознавателя по уголовному делу в отношении лица, правовое положение которого уже определено ранее вынесенным судебным актом по другому делу. В силу объективных и субъективных пределов действия законной силы судебного решения для органов, осуществляющих уголовное судопроизводство, не могут являться обязательными обстоятельства, установленные судебными актами других судов, если этими актами дело по существу не было разрешено или если они касались таких фактов, фигурировавших в гражданском судопроизводстве, которые не являлись предметом рассмотрения и потому не могут быть признаны установленными вынесенным по его результатам судебным актом.

4. Федеральный законодатель вправе предусматривать различные способы опровержения преюдиции, которые, однако, не могут исключаться из сферы судебного контроля с точки зрения их соответствия конституционным принципам независимости суда и обязательности судебных решений.

Так, применительно к статье 90 УПК Российской Федерации в предшествующей редакции, согласно которой преюдициальное значение в уголовном судопроизводстве ранее вынесенного приговора по уголовному делу могло быть опровергнуто органами уголовного судопроизводства по другому уголовному делу с помощью исследуемых в данном деле иных доказательств и подтверждаемых ими обстоятельств, Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 15 января 2008 года № 193-О-П пришел к выводу, что данная статья не предполагает возможность при разрешении уголовного дела не принимать во внимание обстоятельства, установленные не отмененными решениями арбитражного суда по гражданскому делу, которые вступили в законную силу, пока они не опровергнуты стороной обвинения в надлежащей судебной процедуре, а выводы относительно фактических обстоятельств, которые рассмотрены и установлены в судебных актах арбитражного суда, осуществляющего гражданское судопроизводство в соответствии с компетенцией, определенной Конституцией Российской Федерации и Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации, если ими, по существу, предрешается вопрос о виновности или невиновности лица в ходе уголовного судопроизводства, подлежат исследованию и оценке в соответствии с общими принципами, закрепленными в статье 49 Конституции Российской Федерации.

В процессе реализации приведенной правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации – в целях обеспечения правовой определенности и стабильности судебных актов – в статью 90 УПК Российской Федерации были внесены изменения, в силу которых, в частности, обстоятельства, установленные вступившим в законную силу решением суда, принятым в рамках гражданского судопроизводства, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки. В системе норм, предусматривающих условия и порядок доказывания по уголовным делам в контексте предписаний статей

49 и 118 (часть 2) Конституции Российской Федерации, и во взаимосвязи со статьей 61 ГПК Российской Федерации и статьей 69 АПК Российской Федерации это означает, что принятые в порядке гражданского судопроизводства и вступившие в законную силу решения судов по гражданским делам не могут рассматриваться как предрешающие выводы суда при осуществлении уголовного судопроизводства о том, содержит ли деяние признаки преступления, а также о виновности обвиняемого, которые должны основываться на всей совокупности доказательств по уголовному делу, в том числе на не исследованных ранее при разбирательстве гражданского дела данных, указывающих на подлог или фальсификацию доказательств, – такого рода доказательства исследуются в процедурах, установленных уголовно-процессуальным законом, и могут в дальнейшем повлечь пересмотр гражданского дела.

Обстоятельства фальсификации доказательств как уголовно наказуемого деяния не составляют предмета доказывания по гражданскому делу. Данные фактические обстоятельства выходят за рамки объективных пределов законной силы судебного решения, вынесенного в гражданском судопроизводстве, и составляют предмет доказывания по уголовному делу, возбужденному по признакам соответствующего преступления, предусмотренного Уголовным кодексом Российской Федерации.

4.1. Исходя из того, что установленные федеральным законом механизмы признания и опровержения преюдициальной силы судебных актов подлежат судебному контролю в том числе с точки зрения их соответствия конституционным принципам независимости суда и обязательности судебных решений и с учетом конституционного содержания права на судебную защиту, в качестве единого способа опровержения (преодоления) преюдиции во всех видах судопроизводства должен признаваться пересмотр судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам, к числу оснований которого относится установление

приговором суда совершенных при рассмотрении ранее оконченного дела преступлений против правосудия, включая фальсификацию доказательств.

Именно возможность преодоления в таких случаях законной силы судебного акта посредством его пересмотра в предусмотренных законом процедурах обеспечивает искомый баланс общеобязательной юридической силы судебного решения и возможности проверки его законности и обоснованности, с тем чтобы при подтверждении судебной ошибки преюдициальность данного судебного решения могла быть преодолена путем его отмены в специально установленных процедурах. Такой подход соответствует как конституционным принципам осуществления правосудия, так и международным обязательствам Российской Федерации по обеспечению действия принципа правовой определенности в российской правовой системе.

Поскольку в рамках судебной защиты прав и свобод не исключается обжалование в суд решений и действий (бездействия) любых государственных органов, включая судебные, отсутствие возможности исправить последствия ошибочного судебного акта не согласуется с универсальным правилом эффективного восстановления в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости; институциональные и процедурные условия пересмотра ошибочных судебных актов во всяком случае должны обеспечивать как справедливое правосудие, так и процессуальную эффективность, экономию в использовании средств судебной защиты, исключать затягивание или необоснованное возобновление судебного разбирательства и тем самым – гарантировать правовую определенность, основанную на признании законной силы судебных решений, их неопровержимости (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1996 года № 4-П, от 3 февраля 1998 года № 5-П, от 5 февраля 2007 года № 2-П и др., Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15 января 2008 года № 193-О-П).

В развитие предписаний статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод процессуальное законодательство Российской Федерации (пункты 2 и 3 части второй статьи 392 ГПК Российской Федерации, пункты 2 и 3 части 2 статьи 311 АПК Российской Федерации) относит к числу оснований пересмотра судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам, в частности, заведомо ложные показания свидетеля, заведомо ложное заключение эксперта, заведомо неправильный перевод, фальсификацию доказательств, повлекшие за собой принятие незаконного или необоснованного судебного акта, преступления сторон, других лиц, участвующих в деле, их представителей, преступления судей, совершенные при рассмотрении и разрешении данного дела, которые установлены вступившим в законную силу приговором суда.

4.2. Как следует из правоприменительных решений, принятых в отношении граждан – заявителей по настоящему делу, в гражданском судопроизводстве, где они выступали в качестве ответчиков, было подтверждено право собственности истицы на имущество, послужившее предметом спора, при этом достоверность доказательств, представленных истицей, а также обоснованность заявлений ответчиков об их подложности судом не проверялись.

В таком случае, по смыслу статьи 90 УПК Российской Федерации, для следователя и суда в уголовном судопроизводстве преюдициально установленным является факт законного перехода имущества – впредь до опровержения этого факта в ходе производства по уголовному делу, возбужденному по признакам фальсификации доказательств, на основе приговора по которому впоследствии может быть опровергнута и его прежняя правовая оценка судом в гражданском процессе, а именно как законного приобретения права собственности; соответственно, следователь не может и не должен обращаться к вопросу, составлявшему предмет доказывания по гражданскому делу, – о законности перехода права

собственности, он оценивает лишь наличие признаков фальсификации доказательств (включая доказательства, не рассматривавшиеся судом по гражданскому делу) в связи с возбуждением уголовного дела по данному факту.

Следовательно, в уголовно-правовых процедурах исследуется вопрос, не входивший в предмет доказывания по гражданскому делу, – о фальсификации доказательств именно как уголовно наказуемом деянии, которая в случае ее установления может явиться основанием для пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам решения по гражданскому делу.

До тех пор пока в ходе уголовного процесса факт фальсификации доказательств и виновность лица в этом преступлении не будут установлены на основе не вызывающих сомнения обстоятельств, решение по гражданскому делу должно толковаться в пользу собственника имущества, поскольку одним только предположением о фальсификации доказательств нельзя опровергнуть законность перехода права собственности. И даже подтверждения факта фальсификации доказательств может оказаться недостаточно для пересмотра решения по гражданскому делу, если другие установленные в гражданском процессе данные позволяют признать переход права собственности законным несмотря на факт фальсификации.

Следовательно, статья 90 УПК Российской Федерации не может рассматриваться как препятствующая расследованию подлога, фальсификации доказательств или другого преступления против правосудия, совершенного кем-либо из участников процесса (судьей, стороной, свидетелем и др.), и, соответственно, привлечению к уголовной ответственности лиц, участвующих в гражданском деле, за совершенные ими преступления, связанные с его рассмотрением и разрешением.

Признание за вступившим в законную силу судебным актом, принятым в порядке гражданского судопроизводства, преюдициального значения при рассмотрении уголовного дела не может препятствовать правильному и своевременному осуществлению правосудия по уголовным делам исходя из

требований Конституции Российской Федерации, в том числе принципа презумпции невиновности лица, обвиняемого в совершении преступления, которая может быть опровергнута только посредством процедур, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, и только в рамках уголовного судопроизводства (статья 49 и статья 118, часть 2, Конституции Российской Федерации).

Опровержение же преюдиции судебного акта, принятого в порядке гражданского судопроизводства, на основании одного лишь несогласия следователя (или суда), осуществляющего производство по уголовному делу, с выводами данного судебного акта (как это имело место в соответствии со статьей 90 УПК Российской Федерации в прежней редакции) позволило бы преодолевать законную силу судебного решения в нарушение конституционного принципа презумпции невиновности и связанных с этим особенностей доказывания в уголовном процессе, игнорировать вытекающие из преюдиции обоснованные сомнения в виновности лица (если решение по гражданскому делу говорит в пользу его невиновности).

Отказ дознавателя, следователя или прокурора, осуществляющих уголовное судопроизводство, от признания действия преюдициальности как свойства законной силы судебного решения, принятого в порядке гражданского судопроизводства, означал бы также, по смыслу правовой позиции, изложенной в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 17 марта 2009 года № 5-П, преодоление вступивших в законную силу судебных решений административными органами, что не соответствует самой природе правосудия, которое осуществляется только судом, и конституционным принципам самостоятельности судебной власти и независимости суда.

4.3. Таким образом, положения статьи 90 УПК Российской Федерации, предусматривающие, что обстоятельства, установленные вступившим в законную силу решением суда, принятым в рамках гражданского

судопроизводства, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки, – в их конституционно-правовом смысле, выявленном Конституционным Судом Российской Федерации в настоящем Постановлении, – не противоречат Конституции Российской Федерации.

5. Оценивая в процессе конституционного судопроизводства как буквальный смысл проверяемой нормы, так и смысл, придаваемый ей официальным и иным толкованием (в том числе толкованием в конкретном деле) или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из ее места в системе норм, как того требует часть вторая статьи 74 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации признает норму конституционной (соответствующей Конституции Российской Федерации) или неконституционной (не соответствующей Конституции Российской Федерации) и тем самым выявляет ее конституционный или неконституционный смысл, что находит отражение в формулировке резолютивной части решения (применительно к решению, вынесенному по итогам рассмотрения жалобы гражданина, в соответствии с частью первой статьи 100 данного Федерального конституционного закона – о признании закона либо отдельных его положений соответствующими Конституции Российской Федерации (пункт 1) или не соответствующими Конституции Российской Федерации (пункты 2 и 3).

Вместе с тем, если суд общей юрисдикции, арбитражный суд, применив норму в конкретном деле, дал ей истолкование, не соответствующее Конституции Российской Федерации, т.е. придал ей неконституционный смысл, в результате чего были нарушены конституционные права гражданина, Конституционный Суд Российской Федерации, проявляя разумную сдержанность, предопределяемую его конституционными правомочиями и местом в системе разделения властей, вправе, как это следует из статей 10, 118 и 125 Конституции Российской

Федерации и статей 3, 36, 74, 75, 86, 96, 97 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», – не удаляя саму оспариваемую заявителем норму из правовой системы, поскольку это может существенно повлиять на ее функционирование в целом и создать трудности в правоприменении, в частности обусловленные возникновением в таком случае пробела в правовом регулировании, – устранить неопределенность в интерпретации данной нормы с точки зрения ее соответствия Конституции Российской Федерации, признав не противоречащей Конституции Российской Федерации в выявленном в результате конституционного судопроизводства конституционно-правовом смысле и, следовательно, определив конституционные условия ее действия и применения, за пределами которых норма утрачивает свою конституционность.

Юридической силой решения Конституционного Суда Российской Федерации, в котором выявляется конституционно-правовой смысл нормы и тем самым устраняется неопределенность в ее интерпретации с точки зрения соответствия Конституции Российской Федерации, обусловливается невозможность применения данной нормы (а значит, прекращение действия) в любом другом истолковании, расходящемся с ее конституционно-правовым смыслом, выявленным Конституционным Судом Российской Федерации. Иное – в нарушение статьи 125 (части 4 и 6) Конституции Российской Федерации и части третьей статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» – означало бы возможность применения нормы в прежнем ее понимании, не соответствующем Конституции Российской Федерации и, следовательно, влекущем нарушение конституционных прав граждан, в том числе заявителя.

В силу этого решение Конституционного Суда Российской Федерации, которым выявляется конституционно-правовой смысл нормы и исключается любое иное ее истолкование и применение как не соответствующее

Конституции Российской Федерации и, следовательно, нарушающее конституционные права граждан, имеет юридические последствия, предусмотренные пунктами 2 и 3 части первой статьи 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», гарантирующей пересмотр дела заявителя компетентным органом в обычном порядке (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 21 января 2010 года № 1-П и от 26 февраля 2010 года № 4-П, Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 11 ноября 2008 года № 556-О-Р).

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно подчеркивал, что правоприменительные решения, основанные на акте, которому в ходе применения по конкретному делу суд общей юрисдикции или арбитражный суд придал не соответствующее Конституции Российской Федерации истолкование, т.е. расходящееся с его конституционно-правовым смыслом, впоследствии выявленным Конституционным Судом Российской Федерации, подлежат пересмотру в соответствии с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации в установленном законом порядке. Отказывая в таком пересмотре, суды общей юрисдикции и арбитражные суды фактически настаивали бы на истолковании акта, придающем ему другой смысл, нежели выявленный в результате проверки в конституционном судопроизводстве, т.е. не соответствующий Конституции Российской Федерации, и тем самым преодолевали бы юридическую силу решения Конституционного Суда Российской Федерации, чего они согласно статьям 118, 125, 126, 127 и 128 Конституции Российской Федерации делать не вправе (Постановление от 25 января 2001 года № 1-П, определения от 6 февраля 2003 года № 34-О, от 5 февраля 2004 года № 78-О, от 27 мая 2004 года № 211-О, от 9 июля 2004 года № 242-О, от 1 ноября 2007 года № 827-О-П и др.).

Исходя из изложенного и руководствуясь статьей 6, частью второй статьи 71, статьями 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного

закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,
Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать положения статьи 90 УПК Российской Федерации не противоречащими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования эти положения означают, что:

имеющими преюдициальное значение для суда, прокурора, следователя, дознавателя по находящемуся в их производстве уголовному делу являются фактические обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным актом, разрешившим дело по существу в порядке гражданского судопроизводства, т.е. когда в уголовном судопроизводстве рассматривается вопрос о правах и обязанностях того лица, правовое положение которого уже определено ранее вынесенным судебным актом;

фактические обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным актом, разрешившим дело по существу в порядке гражданского судопроизводства, сами по себе не определяют выводы суда о виновности обвиняемого по уголовному делу, которая устанавливается на основе всей совокупности доказательств, включая не исследованные при разбирательстве гражданского дела доказательства, подлежащие рассмотрению в установленных уголовно-процессуальным законом процедурах, что в дальнейшем может повлечь пересмотр гражданского дела по вновь открывшимся обстоятельствам;

признание при рассмотрении уголовного дела преюдициального значения фактических обстоятельств, установленных вступившим в законную силу судебным актом, разрешившим дело по существу в порядке гражданского судопроизводства, не может препятствовать рассмотрению уголовного дела на основе принципа презумпции невиновности лица, обвиняемого в совершении преступления, которая может быть опровергнута

только посредством процедур, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, и только в рамках уголовного судопроизводства;

фактические обстоятельства, не являвшиеся основанием для разрешения дела по существу в порядке гражданского судопроизводства, при наличии в них признаков состава преступления против правосудия подлежат проверке на всех стадиях уголовного судопроизводства, включая возбуждение и расследование уголовного дела, в том числе на основе доказательств, не исследованных ранее судом в гражданском или арбитражном процессе.

2. Конституционно-правовой смысл положений статьи 90 УПК Российской Федерации, выявленный в настоящем Постановлении, является общеобязательным и исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

3. Правоприменительные решения по делу граждан Власенко Веры Дмитриевны и Власенко Егора Александровича, принятые на основании положений статьи 90 УПК Российской Федерации в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после провозглашения, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете» и «Собрании законодательства Российской Федерации». Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Конституционный Суд
Российской Федерации

№ 30-II